

Искусство

и жизнь

ПИСЬМО А. П. ЧЕХОВА К Н. П. КОНДАКОВУ

2 марта 1901 г.

Многоуважаемый Никодим Павлович!

Большое, сердечное Вам спасибо за книгу. Я прочел ее с большим интересом и с большим удовольствием. Дело между прочим в том, что моя мать, уроженка Шуйского уезда, 50 лет назад бывала в Палехе и Сергееве (это в 3 верстах от Палеха) у своих родственников иконописцев, тогда они жили очень богато; те, что в Сергееве, жили в двухэтажном доме с мезонином, громадном доме. Когда я сообщил матери содержание Вашей книги, она оживилась и стала рассказывать про Палех и Сергеево, про этот дом, который тогда уже был стар. По сохранившимся у нее впечатлениям, тогда была хорошая, богатая жизнь; при ней получались заказы из Москвы и Петербурга для больших церквей.

Да, народные силы бесконечно велики и разнообразны, но этим силам не поднять того, что умерло. Вы называете иконопись мастерством,

она и дает, как мастерство, кустарное производство; она мало-помалу переходит в фабрику Жако и Бонакера и если Вы закроете последних, то явятся новые фабриканты, которые будут фабриковать на досках, по закону, но Холуй и Палех уже не воскреснут. Иконопись жила и была крепка, пока она была искусством, а не мастерством, когда во главе дела стояли талантливые люди: когда же в России появилась «живопись» и стали художников учить, выводить в дворяне, то появились Васнецовы, Ивановы, и в Холуе и Палехе остались только одни мастера, и иконопись стала мастерством.

Кстати сказать, в избах мужицких нет почти никаких икон; какие старые образа были, те погорели, а новые — совершенно случайны, то на бумаге, то фольге.

Я «Геншеля» не видел и не читал, таким образом, совсем не знаю, что это за пьеса. Но Гауптман мне правится, и я считаю его большим драматургом. Да и по игре, притом

только одного акта, нельзя судить, а если играла Роксанова, то и по-давно.

Мне все эти дни нездоровилось. Напал кашель, да такой, какого у меня давно уже не было.

Ваша книжка об иконописи написана горячо, даже местами страстно, и потому читается она с живейшим интересом. Несомненно, иконопись (Палех и Холуй) уже умирает, или вымирает, и если бы нашелся человек, который написал бы историю русской иконописи! Ведь этому труду можно было бы посвятить целую жизнь.

Однако, чувствует мое сердце, что я уже надоел Вам. К отлучению Толстого публика отнеслась — со смирением. Напрасно архиереи в свое воззвание всадили славянский текст. Очень уж не искренно, или пахнет неискренним. Будьте здоровы и Богом хранимы и по возможности не забывайте искренно Вас уважающего и преданного

А. Чехова

Письмо А. П. Чехова к академику Н. П. Кондакову хранится в архиве Академии Наук СССР. Н. П. Кондаков (1844—1925) — известный историк искусства. С А. П. Чеховым познакомился в Ялте. В письмах писателю Кондаков сообщал Чехову неоднократно академические новости и, в частности, описал обстоятельства выборов М. Горького в академики в 1902 г. В печати известны несколько писем А. П. Чехова к Кондакову.

В настоящем — впервые публикуемом — письме речь идет о книге Кондакова «Современное положение русской иконописи», где он описал поездку по иконописным селам Владимирской губ., совершенную летом 1900 г.

Пьеса Г. Гауптмана «Геншель» впервые была поставлена в Московском Художественном театре 5 октября 1899 г. Роль Ганны Шель исполняла М. А. Роксанова (в очередь с А. Алеевой). В день получения от Кондакова письма А. П. Чехов писал в письме к сестре И. П. Чеховой, имея в виду, очевидно, письмо академика по поводу гастрольного спектакля Московского Художествен-

ного театра: «Сегодня получил от Н из Петербурга письмо такого содержания: «Сегодня давали в Панаевском театре «Геншель» и я, выдержав первый акт, несмотря на то, что часто зажимал себе уши, чтобы не слышать истерических воплей, ушел с начала

А. П. Чехов и О. Л. Книппер. 1901 г.

2-го акта домой. Подобную бездарную игру, какую мне пришлось видеть, я видел, но столь наглой и бездарной пьесы, признаюсь, еще не видел».

Говоря об «отлучении» Л. Н. Толстого, А. П. Чехов имеет в виду известное «определение святейшего синода» от 20—22 февраля 1901 г., в котором в хитроумной форме члены синода «свидетельствовали» об «отпадении» Толстого от церкви. Об отношении «публики» к этому акту видно хотя бы по дневниковой записи такого черносотенного журналиста, каким был А. С. Суворин, который 26 мая 1901 г. писал: «Два царя у нас: Николай II и Лев Толстой. Кто из них сильнее? Николай II ничего не может сделать с Толстым, не может поколебать его трон, тогда как Толстой несомненно колеблет трон Николая и его династии. Его проклинают. Синод пишет против него свое определение. Толстой отвечает, ответ расходится в рукописях и заграничных газетах. Попробуй кто тронуть Толстого. Весь мир закричит, и наша администрация подожмет хвост».

П. Корявов

II

ПИСЬМА А. П. ЧЕХОВА К К. А. КАРАТЫГИНОЙ

1

16 февр. (1894 г.) Ст. Лопасня

Здравствуйте, Клеопатра Александровна, великая артистка земли русской!

Сим имею честь известить Вас, что г. Сумы мною уже давно забыты и обо мне забыли, а потому найти какое-либо занятие для Вашего молодого человека в Сумах или близ оных я в настоящее время не могу. Есть у меня там, около Сум, знакомая девушка — помещица, владеющая громадной мельницей на Псле, но так как Ваш протеже не мельник и молоты не умеет, то и рекомендовать его помещице не к чему.

Живу я не в городе, потому что жизнь в деревне обходится мне вдвое дешевле; и к тому же здесь не так скучно, празднично, одиноко и тесно, как в городе. Здесь у меня и свой сад, и лес, и собаки, и свои лошади, когда выйдешь за ворота, горизонт видно.

У меня в усадьбе нет ни одного экземпляра «Пестрых рассказов». Стало быть, прислать теперь не могу.

1 марта уезжаю в Крым.

Желаю Вам всяких благ, небесных и земных, паче же всего — денег и денег.

Ваш

А. Чехов

2

Ст. Лопасня 95 14/VII

Великая актриса земли русской! Ваше письмо пришло к Суворину в ту самую минуту, когда я сидел у него в кабинете. Он сказал:

— Письмо от Каратыгиной... Легка на помине.

Накануне мы говорили о Вас, и в разговоре участвовал режиссер нового театра Евтихий Карпов, драматург. Повидимому, Вас пригласят, но 300 Вам не дадут.

Будьте здоровы и благополучны и не забывайте нас грешных в своих святых молитвах.

Если поступите в новый театр, то в конце октября увидимся.

Уезжаю (по обыкновению) путешествовать, но уповаю вернуться осенью...

Ваш

А. Чехов

3

(1896 г., февраль, Петербург)

Великая артистка земли русской! Пьесу я получил перед отъездом: уезжаю домой. Взять ее без Вашего позволения не могу, и потому, буде желаете, чтобы я прочел ее, пришлите ее по адресу: Лопасня Моск. губ. Так как в Малом театре я изображаю полнейший ноль (по силе влияния), то все пять номеров Вашей адской мести подействовали на меня слабее даже, чем укусы разбитого параличом комара.

Пьесу Вашу прочту с превеликим удовольствием, дальнейшее же, как то — одобрение, постановка и прочее зависят от надлежащих высших сфер.

До свидания!!

Ваш

А. Чехов

4

Лопасня, Моск. губ. 96 26/II

Великая актриса земли русской! Мне брат прислал Ваше письмо, в котором Вы просите вручить Вашу пьесу «подательнице сего». Спешу

известить Вас, что пьесу Вашу я получил лишь за несколько часов до отъезда и не мог успеть прочесть ее. Вместе с письмом на Ваше имя я вручил ее А. П. Коломнину с просьбой немедленно послать Вам.

Обратитесь к Алексею Петровичу.

Пользуюсь сим случаем, чтобы пожелать Вам всего хорошего и пребыть, как всегда, искренним Вашим доброжелателем.

А. Чехов

5

25 ноября 1901 г.

Дорогая Клеопатра Александровна, у меня нет своей санатории и не было. В Ялте есть санатория кн. Барятинской и дом Благотворительного общества. В первой берут, кажется, по 25—30 рублей в месяц, и во втором — 50 руб., обе они заняты и кандидаты давно уже записаны. Что касается места, то найти его в Ялте очень трудно. Здесь плотник или столяр найдет себе дело, а обыкновенный смертный, не знающий специальности, может только репетировать детей, а по этой части все уже занято студентами, которых здесь немало.

Все-таки я буду расспрашивать своих знакомых, узнавать, и авось найдется что-нибудь, хотя не могу себе представить, что именно найдется.

Мое здоровье, повидимому, лучше, чем было, но живется скучнее, так как Ялта самое скучное место в свете, особенно в зимнее время.

Желаю Вам всего хорошего, здоровья и душевного покоя, крепко жму руку.

Искренно преданный

А. Чехов

общества. В 1896 г. была принята в московский Малый театр. После Великой Октябрьской революции и до самой смерти К. А. Каратыгина работала в Ленинградском Большом Драматическом театре.

Публикуемые письма хранятся в архиве Института литературы Академии Наук СССР, куда они поступили в июне 1939 г.

М. Малова

Письма А. П. Чехова к известной артистке К. А. Каратыгиной несмотря на небольшое количество представляют биографический интерес и пополняют далеко еще неполный список адресатов Чехова.

Клеопатра Александровна Каратыгина родилась 10 января 1848 г. в артистической семье; тринадцати лет поступила в Театральное училище, по классу балетных танцев, но уже в нем решает покончить с балетом и стать драматической артисткой. В

течение трех лет по выпуске из училища Каратыгина служит в балете, не оставляя мысли сделаться драматической артисткой. Наконец, в 1869 г. она уезжает в провинцию, поступает в драматическую труппу и с этого времени многие годы работает в провинциальных театрах. Затем она приглашается в Александринский театр, где работает в течение двух лет. Сезон 1895—1896 г. Каратыгина служила в Петербурге в театре Литературно-художественного

III

ПИСЬМО А. М. ГОРЬКОГО К М. Г. ЯРЦЕВОЙ

(1901—1903 г.)

Марья Григорьевна!

Хотя—какая вы Марья? Да еще и Григорьевна! Просто вы девчурочка очень хорошей души, но совсем маленькая. Впрочем—дело не в этом. Будем говорить о стихах. Когда я в первый раз увидел ваше лицо—я сказал себе—она пишет стихи, да, и она будет писать хорошие стихи. Не ошибся. Ничуть не удивился, когда Львов дал мне ваши стихотворения. Видите—какой я жулик. То-то!

Стихи ваши читал внимательно—насколько мог при головной боли и шуме адском вокруг меня. Должен вам сказать, что переводы у вас хуже своих стихов, а в личных ваших стихах резко чувствуется недостаток знакомства с русским языком и техникой версификации. Вам необходимо много работать над формой, необходимо обязательно—почему? Потому что вы должны писать. В вас есть то, что зовется искрой божьей, есть чувство красоты, есть чуткость зрения и слуха, а главное—хорошая вдумчивая душа. Нужно писать,—понимаете? Нужно много, серьезно работать над собой, над своим образованием.

Я очень рекомендую для знакомства с русским языком читать сказки русские, былины, сборники песен, Библию, классиков. Читайте Афанасьева, Киреевского, Рыбникова, Киршу Данилова, Аксакова, Тургенева, Чехова. Кое-что покажется вам скучновато—читайте! Вникайте в прелесть простонародной речи, в строение фразы в песне, сказке, в псалтыре, в песне песней Соломона. Вы увидите тут поразительное богатство образов, меткость сравнений, простоту—чарующую силой, изумительную красоту определений. Вникайте в творчество народное—это здорово, как свежая вода ключей горных, подземных, сладких струй. Держитесь ближе к народному языку, ищите простоты, краткости, здоровой силы, которая создает образ двумя, тремя словами.

Опасайтесь интеллигентности. Читая Антона Павловича наслаждайтесь языком, вникайте в его магическое умение говорить кратко и силь-

но, но настроению его не поддавайтесь—боже вас упаси! Не верь ни одному писателю, если сам хочешь писать—это закон! Знайте вот что—вы маленькая девочка, а жизнь—вся перед вами! Не забывайте чужих слов,—особенно интеллигентных—теперь это кислые, это затхлые, это бескровные слова. Не пишите на чистых страницах вашего сердца чужими словами—ничего, никогда! Прислушивайтесь к самой себе внимательно, всегда внимательно, дабы безошибочно знать—кто это говорит? Вы, Ярцева, или это сидит уже в вашей душе Тургенев, Байрон, Чехов, Гейне... И ежели это они—вон их, гоните. Вон-с! обязательно. Кто дерзает быть писателем—должен быть всегда и беспредельно искренним. Кто хочет быть писателем—должен найти в себе себя—неприменно! Почему? А потому, видите, что все мы—вы, я, ваш отец, Средин, Толька—определенные личности, которых вторично уже не будет. Люди сходны только внешне,—и чем глубже каждый понимает себя самого, тем яснее выступают перед ним его самобытные черты. Чуете? Теперь—задача искусства? Оно, моему, имеет душой своей стремление воплотить в словах, красках, в звуках, все то, что есть лучшего в вашей душе, все то, что самое ценное в человеке,—благородное, гордое, красивое. Оно изображает пошлое и грубое для посмеяния, для уничтожения и делает это, ставя рядом с грубым—нежное. Ваше понимание жизни—столь же ценно для меня, как и понимание Чехова, Шек-

спира, Шопенгауера. Так же и вы относитесь к людям—всех уважайте, но не соглашайтесь ни с кем. Это—лучше. Берегите, берегите себя от чуждых вам настроений, раз вы хотите писать, а не пересказывать чужие слова. Писать же—вы можете. Таково мое убеждение. Может быть оно ошибочно, чорт его знает! Писать вы можете. Потому-то я и отнесся так строго к вашим стихам, перечиркав их. Вы можете писать лучше, вы должны лучше писать, а потому жалеть вас нечего. Понимаете? Ну, вот. Гражданские темы—оставьте в стороне пока, рано вам это, рано. Пишите пейзажики, маленькие пейзажики, какие писали Тютчев, Фет, или Лермонтов. «Ночевала тучка золотая»—понимаете? Пишите, как завещал Некрасов—«чтобы словам было тесно—мыслям просторно». Помните у Майкова Весну? «Голубенький, нежный подснежник цветков». Восемь строчек—16 слов и полная картина. Вот вы попробуйте. У вас—«Боже, когда над лучами заката»—хорошо сделано! Это можно напечатать в любом журнале, но предварительно вы там поправьте вторую строфу. Печатать я вам не советую, однако. Погодите, потерпите, успеете. Научитесь хорошенько сначала. Не показывайте ваших стихов многим,—люди вообще грубоваты,—могут смутить вас похвалами, гримасами, советами. Слушайте всего больше саму себя и работайте, работайте, работайте! Изучайте язык, форму. И, разумеется, смотрите на людей, на жизнь, на горы, море, цветы, камни, пыль, грязь—на все! Думайте! Думайте! Всего хорошего вам, всего хорошего!

Отцам, матерям, знакомым—мой полновесный поклон. Работаю как каторжник. Не учитесь писать так вот, «как каторжник»—это скверно. Вообще избегайте одинаковых слов, звуков, слогов на близком расстоянии.

А. Пешков

«Мои университеты»
Кадр из фильма

Письмо-автограф без даты было адресовано М. Г. Ярцевой, дочери художника-пейзажиста Г. Ф. Ярцева. Письмо, вероятно, относится к 1901—1903 гг. Средин, упоминаемый в письме,—доктор медицины Л. В. Средин, личный знакомый Горького по Ялте.

С. Б.